

Невельской оставался в Мариинском фактически как частное лицо (никаких военных действий в это время не велось и дело шло к перемирию), а Завойко по-прежнему оставался военным губернатором в Николаевске-на-Амуре. Если Невельской явно тяготился таким бездельем и поначалу просто не знал, как себя вести, то Екатерина Ивановна была явно довольна, что муж не будет никуда уезжать, и что они спокойно проведут зиму вместе. Когда Муравьев узнал о произошедшем, он уже из Аяна написал полковнику Александру Николаевичу Сесавину, начальнику сухопутных войск в Мариинске, чтобы тот ни в коем случае не обременял Невельского никакими распоряжениями, чтобы Невельские были в эту зиму лишь гостями и частными лицами.

Кроме одного-двух письменных свидетельств (Н. Ельчанинова и В. Войнит) да официальных документов, больше не сохранилось подсобных материалов о том, как прошла эта зима. Но и эти бумаги ощутимо доносят до нас ту атмосферу, в которой прошла последняя зимовка. Невельской не смирился с положением гостя, в дела он все-таки вмешивался, характер был не таков, чтоб сидеть сложа руки. Тем более, что и в Мариинском, и в Александровском постах, не говоря уже о Николаевске, усердно возводились укрепления, шли разные обсуждения, строились планы обороны устья Амура. Невельской никак не мог пройти мимо этого. Летом ожидалось нападение врага — англо-французов, которые, конечно, попытаются взять реванш. Но ходили также слухи из разных частных писем и неофициальных сообщений о том, что к весне следует ждать заключения перемирия и, возможно, мира.

А зимой произошел случай, когда Геннадий Иванович напрямую вмешался в распоряжение военного губернатора В. С. Завойко и даже приостановил его исполнение. Дело было так. Читатель помнит, что фрегат «Паллада» был отведен в Императорскую гавань на зимовку, после того как его из-за большой осадки не удалось ввести в Николаевск. Для охраны корабля был выставлен пост под начальством поручика корпуса флотских штурманов Дмитрия Семеновича Кузнецова. Ему было приказано в случае появления в заливе англо-французской эскадры не допустить пленения фрегата (с которого сняли все вооружение, а значительную часть такелажа и снаряжения оставили в лимане) и в случае крайней нужды затопить его остов. Поэтому команда поста поддерживала «Палладу» в постоянной готовности к возможному затоплению, не давая ей вмерзнуть в лед, окалывала ее со всех сторон.

Невельских навестил их старый друг, мичман Григорий Данилович Разградский, который рассказал, что он послан с приказанием

Завойко в Императорскую гавань немедленно затопить «Палладу», а команду поста снять. Невельской задержал Разградского в Мариинском, отправив к Завойко нарочного с письмом, в котором просил отменить распоряжение, так как он в настоящее время не видел никакой необходимости в уничтожении фрегата. Это было можно сделать в любое время, а пока Разградский пусть подтвердит Кузнецову его полномочия, и что, наконец, вполне возможно, что весной наступит мир, и в уничтожении фрегата вообще отпадет всякая нужда.

Завойко ответил, что это не его распоряжение, а приказ свыше, и что он настаивает на его немедленном исполнении. Разградскому ничего не оставалось делать, как отправиться в свой дальний путь и выполнить приказание. 17 января 1856 года, как свидетельствует в своих записках А. И. Петров, остов «Палладь» был затоплен в бухте Постовой напротив бывшего Константиновского поста в Императорской гавани. Мне часто и подолгу приходилось бывать там, вглядываться с борта катера в темные воды и представлять, что совсем рядом, подо мной, лежит свидетель славной русской военно-морской истории, воспитаный А. И. Гончаровым фрегат «Паллада». Первым командиром этого корабля был знаменитый Павел Степанович Нахимов. Ныне в бухте Постовой напротив останков фрегата установлен памятник. Другой памятник, который хранит память о той далекой истории — первооткрывателю гавани и первому начальнику поста лейтенанту Н. К. Бошняку — воздвигнут на берегу бухты в городе Советская Гавань.

В остальном зимовка проходила вполне благополучно. По свидетельству того же Николая Ельчанинова, обыватели беспечно танцевали, катались на лошадях, собаках, с гор на санях и лыжах, кутили, устраивали маскарады, вечера — одним словом, молодежь развлекалась, как могла. Это оказалось возможным еще и потому, что на сей раз благодаря сплавам и американским купцам посты были снабжены не только всем необходимым, но в достаточном количестве и на любой вкус. Невельским же было не до танцев и развлечений: часто болели девочки-малютки, а к весне у Екатерины Ивановны появились признаки цинги. Надо было торопиться с отъездом.

Надежды на него Невельские связывали с очередным сплавом. Но когда стало ясно, что ожидание может затянуться, они решили подняться на большой лодке вверх по Амуру до Сретенска, недалеко от которого находился Иркутск. Казалось, что таким путем можно будет не только ускорить отъезд и возвращение в Иркутск, но и избежать морского путешествия до Аяна, а оттуда — страшною пути через горы

до Якутска и плавания по Лене. Этот маршрут очень пугал Екатерину Ивановну, за нее боялся и Геннадий Иванович. Поэтому был избран первый вариант: на лодке вверх по Амуру. Радовало и то, что брат Екатерины Ивановны, произведенный за отличие в лейтенанты, получил отпуск и также отправлялся с ними.

9 мая, едва сошел лед, удобно обставив дощаник, Невельские отправились в путь. Таким же образом решил возвращаться и В. С. Завойко со своими многочисленными домочадцами. Разумеется, оба семейства находились на разных дощаниках. Все шло благополучно. Молодой лейтенант отлично управлялся с плаванием, а Невельские любовались разлившимся Амуром, островками, на которых как из воды торчали деревья и кустарники, причудливыми изгибами берегов, красивыми протоками, повисающими в небе высокими вершинами хребтов. Они не на минуту не прекращали разговоров о том, как будут устраивать свою жизнь в Европе, еще не зная, где им предстоит осваивать новое жилище. Подсознательно они чувствовали, что навсегда расстанутся с Амуром. Время открытий и первоначального освоения закончилось. Теперь на Амуре требовались другие люди, и они пришли. Невельский знал, что и Завойко уходит навсегда, а на его место представлен бывший его, Невельского, старший помощник на «Байкале», а ныне офицер по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве, Петр Васильевич Казакевич. Не знал он лишь того, что предложат ему в столице: если должность, то жить они будут в Петербурге, если же отставку, то поедут либо в Кинешму, либо в Солигалич. Было над чем подумать. Так Невельские и коротали время на большой лодке, забывая о своих заботах и думах только тогда, когда этого настойчиво требовали дочка Оля и малютка Машенька.

Так продолжалось почти месяц, до 6 июня. По Амуру прошли, если считать от Мариинского поста, шестьсот верст. В этот день показала баржа головного отряда сплава. На ней находился командир отряда Николай Матвеевич Чихачев — бывший активный сотрудник Амурской экспедиции, а ныне чиновник по особым поручениям при Муравьеве. Он вез весьма важные известия. Во-первых, между Россией, Англией и Францией заключен мир. Во-вторых, Невельские узнали о трудностях дальнейшего плавания ввиду отсутствия пароходов: ожидавшаяся «Шилка», которая по договоренности должна была пойти им навстречу из Сретенска, не выйдет, а точнее — навряд ли выйдет. В-третьих, течение у мысов и в щелях Хингана оказалось настолько сильным, что навряд ли позволит дощанику подняться вверх по реке.

Наконец, было совершенно не ясно, как повлияет заключение мира на дальнейшие русско-китайские отношения.

Осталось неизвестным, совместно ли принимали решение два контр-адмирала, но мы совершенно точно знаем, что они оба с семьями возвратились на устье Амура, в Николаевск. Невельской сильно нервничал, так как не имел возможности отправиться вокруг света из-за отсутствия денег. Завойко же с семьей из десяти человек просто боялся пуститься в такое рискованное путешествие. Офицерам было легче: их, в том числе и Н. Ельчанинова, взяли на корвет «Оливуца», где командовал В. А. Римский-Корсаков. Семьям Невельского и Завойко пришлось ожидать оказии в Аяне, чтобы оттуда начать весь путь сначала. Оставаться еще на зимовку без жалования и без всяких дел было невозможно.

Короче говоря, в начале июля обе семьи оказались в Аяне. Они воспользовались зашедшим транспортом «Иртыш» и устроили так, чтобы тот завез их в Аян. В начале августа длинные вьючные караваны вышли в путь по Аянскому тракту. Снова Екатерина Ивановна качалась в креслах-седлах, а малютки были устроены в специальных люльках-корзинках, пристегнутых к бокам лошади. Аянский тракт, недавно проложенный и гораздо лучше обслуживаемый, оказался не таким ужасным, каким был когда-то Охотский для молоденькой Кати Невельской. Поэтому караван благополучно пришел в Якутск, преодолев плавание по системам рек от Юдомского Креста до Лены. Там немного отдохнули, и вот уже лодки Невельских спускаются по Лене. А в середине сентября они прибыли в долгожданный Иркутск.

Впрочем, ныне он уже не был таким долгожданным: из родных здесь не было никого, оставалась лишь память, да некоторые знакомые. Для Невельских лучше было бы скорее попасть в Красноярск, где их ждала родная сестра Екатерины Ивановны Саша Мазарович. Остановка в Иркутске оказалась официальной, ее использовали для оформления документов, подорожных грамот и отдыха, двух-трех официальных визитов и стольких же встреч с оставшимися знакомыми. Семья торопилась в Красноярск, где муж Саши Иван Семенович Мазарович командовал казачьим Красноярским полком.

Недолг был путь от Иркутска до Красноярска. Наконец-то произошла встреча сестер — Кати, Саши и Веры. Вера готовилась выйти замуж за Петра Васильевича Зиновьева, владельца приисков в Сибири, выходца из интеллигентной московской семьи. Свадьба должна была состояться в Красноярске по приезду туда Невельских. Так оно и

случилось. Все заботы о приданом и обо всем остальном взяла на себя, естественно, Саша. К приезду Кати оставалось только обвенчаться и сыграть свадьбу.

Свадьба состоялась, но без Геннадия Ивановича. Дело в том, что на семейном совете решили оставить Екатерину Ивановну и малышей в Красноярске до установления зимника (зимнего пути). Да и сама она очень устала, и в письме к дяде просто удивлялась, как ее малютки могли перенести все то, что они встретили на трудном и длительном пути. К тому же, зимой Мазаровичи могли сопровождать Екатерину Ивановну, так как тоже ехали в Москву. Геннадий Иванович обязан был по службе прибыть в Петербург, представиться начальству, предъявить ему отчеты и получить новое назначение. Там должна была решиться его дальнейшая судьба.

Нет у нас сведений о том, как жила Екатерина Ивановна у сестры в Красноярске, можно лишь предполагать, что все было хорошо. Осенью все засобирались в Москву, откуда после кратковременного пребывания Екатерина Ивановна должна была поехать в Кинешму, где и дожидаться приезда мужа. Дорога до Москвы была дальняя, но вместе с тем легкая, так как на станциях проезжавших всегда ждали готовые ямщики и тысячи раз наезженный маршрут. По прибытию в Москву они попали в объятия многочисленной родни. Сюрпризом оказалось то, что Геннадий Иванович приехал из Петербурга раньше и первым встречал семью в Москве. Затем их встречала родная тетка Елизавета Матвеевна Дерюжинская, но они чудом разминулись с дядей Николаем Матвеевичем Ельчаниновым, который незадолго перед их приездом был в Москве. Встречали их и тетки Варвара Григорьевна Зарина и Екатерина Григорьевна Болтина.

Невельские остановились в доме Григория Гежинского — отца тетки Варвары Григорьевны — и жили тут более трех недель. Екатерина Ивановна, как она сама писала, «повеселилась, потанцевала», а уж затем поехала с мужем в Кинешму, в ста шестидесяти верстах от которой располагалось родовое имение Г. И. Невельского Дракино. В самой же Кинешме, как уже знает читатель, проживала Мария Ивановна Купреянова, родная сестра Невельского, у которой поначалу они и остановились.

Геннадий Иванович, которому из-за отъезда великого князя за границу не давали ни какой штатной должности и считали состоявшим по флоту, попросился в отпуск. Он получил его на полгода для устройства домашних дел. Сначала Геннадий Иванович уговаривал жену ехать

в Петербург, оставив детей в Кинешме на попечение няни и сестры Марии Ивановны. Екатерина Ивановна категорически возражала, поэтому решено было провести лето в Костромской губернии, набрать сил в деревне, а уж по окончании отпуска ехать в Петербург. При этом планировали обязательно заехать в Попово к дяде Николаю Матвеевичу.

Время медленно текло в заботах, в тревогах за будущее, в переписке с родными, в ожидании встреч с ними и в мелких радостях. По весне Невельские перебрались из Кинешмы в свое имение. Никто не навещал их, кроме Марии Ивановны. В письмах той поры у Екатерины Ивановны часто присутствуют воспоминания об Амуре, о жизни на Дальнем Востоке. «Мне удалось вести там необыкновенную жизнь, испытать такие странные случаи, что воспоминания о них заключают в себе много интересного и необыкновенного, тем более, что местность и жители, с которыми я имела дело в продолжении пяти лет, еще до нас были совершенно неизвестны, и мы первые русские, которые вступили в этот необжитой и дикой край».

В мае Невельские перебрались в Дракино, откуда Геннадий Иванович собирался пораньше уехать в Петербург. Екатерина Ивановна, сообщая об этом своему дяде, писала, что возможно Геннадию Ивановичу удастся заехать в Попово и сразу отрекомендовала: «Поверьте, что Вы найдете в нем много сочувствия, это — не один из светских чопорных людей, но простой, откровенный моряк, с теплым сердцем и доброю душою». А Екатерина Ивановна оставалась жить в Дракино, в костромской глуши, наслаждаясь деревенской жизнью, делясь в письмах всякими новостями и получая такие же от своих родных и знакомых. Из этих писем выясняется, что Мазаровичи и Зиновьевы (то есть Саша и Вера) в это время находились в Петербурге. Саша с мужем проживала на Фурштадской улице, искренне радуясь тому, что наконец-то наследственные дела завершились успешно: бессарабское имение отца Мазаровича досталось Ивану Семеновичу. Зиновьевы обзаводились покупками, собирались съездить за границу.

Екатерина Ивановна делилась своими впечатлениями о Дракине, которое по «своему разрушению и запущению» напоминало ей милое Внуково. «Дом большой, удобный, но весьма уже старый, садик был вычищен к нашему приезду и поэтому есть где побегать моим крошкам. Остальные же строения в совершенном разрушении; скотоводство небольшое, запашки также, ибо половина оброчных, которые в Солигаличских имениях весьма выгодны, ибо весь народ мастеровой».

Смотря по ремеслу, они платили своим помещикам оброк в год от тридцати до шестидесяти рублей серебром.

Времени было много, лето стояло жаркое. Екатерина Ивановна и Геннадий Иванович впервые за совместную жизнь наслаждались полнейшим покоем, ходили купаться, собирали ягоды, готовили варенье, любовались своими окрепшими, жизнерадостными девочками. Живейшая переписка держала их в курсе событий родных, знакомых и сослуживцев. Двоюродный брат Никифор Невельской, служивший в Петербурге в Инспекторском департаменте Морского ведомства, сообщал, что Невельскому готовится хорошее спокойное место в Морском Ученом комитете, и что окончательно этот вопрос будет решен по прибытии Геннадия Ивановича в Петербург.

Екатерина Ивановна часто вспоминала такое далекое Внуково, где она еще несмышленной бывала с отцом, и которое по наследству перешло к брату Николаю. Предчувствуя скорую встречу с детскими местами, она теперь часто думала о Попове, где бывала у Николая Матвеевича, когда еще были живы родители. И эти воспоминания настраивали ее на грустные размышления, которыми она делилась с дядей: «Не имея ни отца, ни матери, мне часто кажется, что все родное, все фамильное для меня в Попове, там некогда мы бывали, все детские впечатления живы во мне до сих пор, усадьба Ваша для нас теперь как бы единственный островок родного угла, в нем слились все воспоминания об нашем семействе, ибо все остальное так исчезло, так рассеялось, как будто никогда не существовало».

Месяцы в Дракино вдали от всяких тревог проходили счастливо. Невельские набирались сил для будущей жизни в Петербурге. Они жалели, что отпуск Геннадия Ивановича подходит к концу. Эти нотки прозвучали в письме к дяде от 19 июля: «Вот мы и выезжаем из своих Дракинских развалин, хотя бы и желали еще провести там несколько времени; как бы не была дурна деревня, но летом она имеет много прелести, особенно для тех людей, которые редко ее посещают. Мы весьма приятно провели все время нашего пребывания в Дракине, и если бы не конец отпуска, то остались бы там подолее»¹⁴.

Из Дракина Невельские возвратились в Кинешму, и 28 июля Екатерина Ивановна написала дяде, что намеревается выехать отсюда 31 июля, чтобы 3 августа быть в Твери, а затем 5—7 августа приехать в Попово через Ржев. Она собиралась сюда вместе с детьми в сопровождении няни, служанки и одного мужчины. Геннадий Иванович

намеревался кратчайшим путем через Ярославль сразу же отправиться в Петербург.

Но вскоре обстоятельства в корне переменялись. Екатерина Ивановна, хотя и была беременна, но надеялась перенести дорогу благополучно и даже пожить некоторое время в Попове. По этой самой причине решили до Твери из Кинешмы плыть пароходом, а дальше добираться через Ржев до города Белого, рядом с которым располагалось Попово. 31 июля Екатерина Ивановна уведомила об этом дядю и просила встретить их. На всякий случай она же написала, что Геннадий Иванович, который собрался все-таки ехать вместе с семьей на пароходе до Твери, так как ему «страшно пустить свое семейство... по незнакомому пути. Может быть он и проведит меня сам и пробудет у Вас несколько дней».

...Тщетно дежурил Николай Матвеевич на пристани в Твери. Желанных и долгожданных родственников на борту парохода не оказалось. Вместо них пришло письмо из Петербурга от 11 августа, в котором Катя извещала «о горестном решении не заезжать к Вам в Попово. Что делать, видно не суждено мне испытать радость встречи...» Помешала этому беременность, а еще больше нежелание Геннадия Ивановича оставлять их одних на неопределенный срок. Как ни уговаривала Екатерина Ивановна мужа, тот оставался непреклонен. Он заверил жену, что летом следующего года такая встреча обязательно состоится. Позднее, в сентябре, в письме из Петербурга, Екатерина Ивановна сожалела, что послушалась мужа и не поехала в Попово. Впрочем и Геннадий Иванович сдержал слово: летом 1858 года мечта ее осуществилась.

Впереди был целый год, первый год жизни в Петербурге. Амурская эпопея завершена, и теперь Невельские твердо знали, что больше они никогда не вернутся на Дальний Восток...

ГЛАВА 5. НАВЕКИ ВМЕСТЕ

В Петербурге их встречали Саша Мазарович и Вера Зиновьева. Они уже подыскивали на Сергиевской улице (ныне улица Чайковского) им квартиру в доме номер 46, совсем недалеко от памятного Саше и Кате Смольного института благородных девиц. Получилось так удачно, что Мазаровичи и Невельские сняли квартиры на одной лестничной площадке, то есть жили напротив друг друга. Поначалу им пришлось поездить в поисках подходящего жилья, поискать его, но в конце концов остановились именно на этой квартире. Забегая вперед скажу, что этот дом обоим семьям пришелся по душе, и Невельские, например, прожили в этой квартире всю жизнь.

19 сентября 1857 года Геннадий Иванович был назначен членом Морского Ученого комитета. По поводу этого назначения впоследствии в исторической литературе о Невельском возникла целая легенда. А. К. Сиденснер в 1914 году написал, что туда назначали лишь тех, кто ни на что больше не был способен: «нюхать табак», как тогда выражались. А из этого допущения делался вывод, широко подхваченный и приумноженный последующими авторами, писавшими, что Невельского «нарочно запихнули туда», чтобы он никому не мешал.

Конечно, частица правды в этом, вероятно, есть — характер у Невельского был крайне вспыльчивый, прямой, и его резкие высказывания были многим не по нутру. Но на мой взгляд, все-таки дело не в этом. Невельской безнадежно отстал от офицеров, а тем более адмиралов боевого военного флота. Он стал исследователем, администратором, дипломатом, кем угодно, но не командующим, например, эскадрой. Став за пять лет из капитан-лейтенанта контр-адмиралом, Невельской не мог на таком уровне командовать соединением военных боевых кораблей. Это во-первых.

А во-вторых, Невельской возвратился из Амурской экспедиции, также как и Екатерина Ивановна, с расстроенным здоровьем. Он нуждался в длительном отдыхе и в лечении. Поэтому можно предположить, что Екатерина Ивановна была довольна, что после стольких лет напряженной службы на Дальнем Востоке муж сможет пожить спокойно. Он и сам с удовольствием воспринял такое назначение. Служить в Морском комитете было весьма удобно. Там он был не обременен занятиями, чувствовал себя свободно, много времени мог уделить семье и обработке материалов Амурской экспедиции, отчет о

которой собирался написать и опубликовать. Более того, занятия в комитете в какой-то мере помогали ему следить за развитием морских наук, писать инструкции для командиров кораблей, отправлявшихся в воды Тихого океана, давать заключения, рассматривать отчеты, рецензировать статьи для «Морского сборника» по дальневосточной тематике.

Екатерина Ивановна только радовалась такому повороту событий. Теперь можно прочно и навсегда вить семейное гнездо, заботиться о детях. Радость Невельских не смогли омрачить злопыхательские нападки некоторых министерских чиновников из моряков, обвинявших Геннадия Ивановича в гибели фрегата «Паллада», исподтишка пускавших слухи, что Амур, мол, все равно не очень пригоден для плавания; шепотком поносивших его за то, что не щадил жену и детей, что все это делал из-за карьеры. Со временем вся эта суэта утихла, а правда пробила себе дорогу.

Большой радостью стало для Невельских и всех их родственников возвращение из плавания Николая Ивановича Ельчанинова. Екатерина Ивановна очень гордилась братом и всячески расхваливала его дяде Николаю Матвеевичу. Она сообщила дяде о дальнейших намерениях брата, о которых он сам чуть позже написал ему же, что «его влекут сельские занятия» и что он «решился окончательно выйти в отставку». Он писал, что по зимнему пути приедет к своему дядюшке, что пока он еще не совсем свободен.

Екатерина Ивановна, впрочем как и Геннадий Иванович, страстно желала иметь сына. Поздравляя дядю с рождением у кузины Екатерины Николаевны Кусаковой сына (его внука), она в новогоднем письме не утерпела: «От души желала бы Вам прибавить через три месяца еще такого же молодца, хотя не такого близкого для Вас, но все же родного, которому, вероятно, Вы не откажете частичку в Вашем сердце». Так надеялась она на рождение сына.

В эту зиму побывал у них муж кузины Иван Петрович Кусаков, знакомство с которым еще больше разбередило Катину душу, и ей еще больше и скорей захотелось повидать родные места. И она сердечно благодарила дядюшку, жаловавшего на недомогание, за настоятельные приглашения. В начале марта она уверила его, что в это лето они обязательно нагрянут в Попово: «Постараюсь, — писала она 2 марта, — уговорить Сашу ехать вместе со мною, надеюсь, что и мужу моему удастся взять отпуск на 28 дней, чтобы познакомиться с Вами».

Братец Николай добился-таки отставки и сразу же укатил в деревню, где с душевной радостью окунулся в сельскую жизнь. Молодой и энергичный, он смело ринулся наводить порядок в заброшенном отцовском имении. А затем он уехал в Симбирскую губернию в имение Елховка, принадлежавшее матери, с твердым намерением продать эту деревню. Находясь в Алатыре по этим делам, из писем сестер он узнал, что обзавелся еще одной племянницей. 8 апреля 1858 года у Екатерины Ивановны родилась дочь, названная Александрой. Сладкие надежды матери на появление сына не оправдались. Про себя она решила больше не иметь детей, и утешалась тем, что хорошие дочери также очень нужны. А забот прибавилось. Все-таки она рассчитывала на скорую поездку в Попово, но в конце мая сначала Оля, а затем Маша заболели корью, и поездка, запланированная на июнь и июль, откладывалась.

К этому времени прибавилось занятий и у Геннадия Ивановича. Деятельный Невельский не мог так вот вдруг отойти от амурских дел. Поначалу он принял активное участие в организации Амурской компании, а затем и в ее делах, даже заняв в ней пост одного из директоров. Учредители компании Дмитрий Бернадаки и Василий Рукавишников 14 ноября 1857 года представили в Сибирский комитет «Устав Амурской компании», цель которой состояла в развитии Приамурского края, в подъеме там торговли и промышленности. Учредители компании намеревались вести торговлю с жителями Приамурья, снабжать живших там русских, торговать с Китаем и Японией, ловить рыбу в Амуре, заниматься китобойным промыслом в Тихом океане, разрабатывать полезные ископаемые, принимать подряды и поставки, содержать парходное сообщение на Амуре. Устав этот был рассмотрен, одобрен, и компания была оформлена.

Поэтому Екатерина Ивановна, жалуясь 3 июня дяде на мужа своей кузины Ивана Петровича Кусакова, которого «решительно не можем зазвать к себе», писала, что сидит дома, никого не видит и жестоко скучает. Ожидая полного выздоровления детей, она, готовясь к путешествию, в очередном письме 18 июня проклинала Петербург. «В Петербурге царствуют различные болезни, в том числе и холера, тоска страшная, хотя погода стоит и хорошая, но к чему она служит городским жителям, только к тому, чтобы глотать больше пыли и дышать дурным воздухом, начиненным разными вредными испарениями».

28 июня она известила дядю, что выезжает в Попово: «Мне так сильно хочется выехать из несносного Петербурга, что я невольно опасася».

юсь, чтобы снова что-нибудь не задержало нас». Геннадий Иванович, сообщив о всяких делах, хлопотах и протекциях, также добавил, что они едут: «Нас затрудняет дорога от Ржева до Белой (Белого. — А. А.) — авось Господь пронесет. Мы ведь к Вам гурьбой нагрянем».

О том, что было при встрече, мы можем только догадываться. Маленькая девочка Катя — племянница, которую едва и помнил-то, наверное, Николай Матвеевич, предстала перед ним добропорядочной матерью троих девочек. Разговоров и визитов по памятным местам, к дальним и ближним родственникам, в том числе в Смоленск и во Внуково к брату Николаю, хватило на два месяца. Побывала Екатерина Ивановна на могилах отца и матери, навестила семью отчима. В Попово 8 августа в жаркий летний день пришла радостная весть — письмо от Н. Н. Муравьева, написанное им 16 мая, о заключении Айгунского договора. Вот это письмо: «Любезный Геннадий Иванович! Сегодня подписан трактат в Айгуне. Приамурский край утвержден за Россию. Спешу уведомить Вас об этом знаменательном событии. Отечество никогда Вас не забудет, как первого деятеля, создавшего основание, на котором воздвигнуто настоящее здание. Целую ручки Екатерины Ивановны, разделявшей наравне с Вами и со всеми Вашими достойными сотрудниками труды, лишения и опасности и поддерживавшей Вас в этом славном и трудном подвиге. Искренне обнимаю Вас, благодарю и еще раз поздравляю». После этого пошли письма-поздравления от сослуживцев, друзей, официальных лиц, сподвижников...

Захотелось в Петербург, да и отпуск Невельского заканчивался. Он решил оставить семью в Смоленской губернии, а сам отправился в столицу. Оттуда 28 августа он написал письмо М. С. Корсакову, в котором передал некоторые подробности того, как в Попове восприняли весть Муравьева: «Я и жена от радости заплакали, даже старик дядя прослезился, и все приняло веселый вид...» Геннадий Иванович получил пожизненную пенсию в две тысячи рублей ежегодно, которая распространялась после его смерти на жену и детей. Он был также награжден орденом Святой Анны 1-й степени. Различные награды получили и его сподвижники, а Н. Н. Муравьев отныне становился графом Муравьевым-Амурским. Все это было очень радостно и приятно, да и дальнейшая жизнь семьи была прочно обеспечена.

Возвратившись в Петербург, Екатерина Ивановна занялась отделкой квартиры, которую они решили не менять. Брат Николай писал, что он занимается хозяйством, строит новый дом. Дядя собирался ехать для лечения за границу. Между тем, деятельность Невельского в

Амурской компании потребовала от него поездки за границу для переговоров о заказе пароходов. И он ездил в Англию через Финляндию, Швецию, Данию и Германию. Вообще, 1859—1860 годы стали для Невельского самыми активными в истории Амурской компании, в которую он втянул А. И. Петрова и Д. И. Орлова. Правда, последний умер в июне 1859 года.

Чтобы больше не возвращаться к деятельности Амурской компании, скажу о ее печальном финале. Хорошо задуманная и организованная, она, к сожалению, не пользовалась реальной поддержкой со стороны местных властей, хотя покровительство высшей сибирской администрации ей было обеспечено. При организации компании предполагалось, что она будет скупать по низкой цене соболей и реализовывать их на ярмарке по ценам, приносящим большие барыши. В совокупности с первоначальным капиталом, этих средств было бы достаточно для закупки хлеба, скота, сахара, свечей, железных изделий, стекла, обуви, земледельческих орудий и многого другого, необходимого для удовлетворения потребностей жителей Приамурского края.

Поначалу все так и шло. Но затем начались неудачи, никем и ничем не предусмотренные: на мелях лимана затонули два парохода, закупленные за границей, в результате чего пропали многие из доставленных товаров; местные власти вели себя с представителями компании возмутительно: они не только не обеспечивая ей условий для торговли, но и всячески препятствовали в этом, используя плавучие пароходы, баржи и лодки компании для своих целей, для перевозки солдат, доставки снаряжения, леса и прочих нужд.

Достаточно привести и такой факт. М. С. Корсаков, сменивший на посту генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского, отказался купить в казну за 50 тысяч рублей поднятый компанией иностранный пароход, затонувший когда-то на Амуре, и тем самым не поддержал разорявшуюся Амурскую компанию. Еще более дикий факт произвола произошел в Благовещенске, когда вновь назначенный губернатор Амурской области Н. В. Буссе заказал компании фонари для уличного освещения и пожарное оборудование для Благовещенска. И то, и другое было морем доставлено из Гамбурга. И вот теперь Буссе отказался от заказа, так как платить городу было нечем по неимению доходов. А компания не имела возможности взыскивать убытки. В конце-концов все это привело к тому, что Амурская компания прекратила свое существование. Ее основатели при этом сильно пострадали, в том числе и Невельской. Произошло это в 1863—1864 годах.

А теперь возвратимся к жизни Невельских. Помимо забот с компанейскими делами, у Геннадия Ивановича было немало занятий и в Морском Ученом комитете. К нему на отзыв поступали самые различные бумаги, но особое пристрастие он имел к дальневосточным вопросам. Так, его рук не миновала судьба мореходного училища в Николаевске-на-Амуре ¹.

Кстати, именно в этом училище постигал основы морского дела будущий прославленный флотоводец вице-адмирал Степан Осипович Макаров. Занимался Невельской и историей. В частности, при его участии 3 июня 1859 года комитет принял решение об организации группы по составлению истории русского военно-морского флота под руководством Елагина. В 1859 году Невельской начал читать и редактировать поступившие в «Морской сборник» записки своего активного сослуживца Н. К. Бошняка об Амурской экспедиции. Как известно, некоторые исправления, внесенные Геннадием Ивановичем, привели к неприятной переписке между ними на страницах этого журнала.

Еще весной стало ясно, что Геннадию Ивановичу не удастся провести лето с семьей — он был занят компанейскими делами. А кроме того Невельские продолжали поиски заложенного кем-нибудь имения в Пензенской губернии: Геннадий Иванович хотел купить его. Поэтому Екатерине Ивановне снова представилась возможность провести лето в родных местах, погостить у дяди и тети — самых близких из оставшихся родных. Я уже говорил, что по наследству Попово досталось Николаю Матвеевичу, Внуково — Ивану Матвеевичу, а теперь его сыну Николаю Ивановичу — брату Екатерины Ивановны. Сельцо Казачки отошло к Елизавете Матвеевне Дерюжинской, которая помногу и часто проживала там со своими детьми.

Подготовка к лету, как всегда, началась зимой, после возвращения в конце января Геннадия Ивановича из-за границы, когда все прояснилось и было обговорено на семейном совете: ранней весной Екатерина Ивановна едет в Казачки к тете Лизе, отсюда навещает всех родных, а к августу ждет там Геннадия Ивановича. Она писала к дяде в Попово, что не забудет его, но что ей хочется заехать в Казачки и повидать Дерюжинских. До отъезда, несмотря на холодный май, дети целый день провели в прекраснейшем Таврическом саду и успели там загореть.

Настойчиво звал к себе и брат, который просил навестить его вместе с дядей, когда они поедут в Казачки. О себе он писал, как и подобает молодому человеку, вступившему в самостоятельную жизнь, очень бодро: «Я живу себе в деревне один, сам живу в новом флигеле, читаю

много, получаю журналы, газеты, хожу по работам и могу смело сказать, что скука не заглядывает в мою душу, а напротив того, там царствует совершеннейшее спокойствие без вечных треволнений пустой городской жизни».

Так все и получилось в это замечательное лето. Екатерина Ивановна, как говорится, отвела душу. Уже в мае она была на Смоленщине, остановилась в Казачках у тети, у которой провела две недели, затем собралась ехать на неделю к кузине Кате, а по возвращении в Казачки ехать к брату во Внуково. В письме она раскрыла дяде дальнейшие планы на оставшееся лето: «Я бы не решилась так скоро оставить милых моих родственников, если бы не имела намерения на возвратном пути снова заехать к ним, — мне хочется, чтобы муж мой имел бы также случай пользоваться ласками истинных добрых родных моих. Геннадий Иванович будет во Внуково в августе, и в Петербург мы не воротимся ранее половины октября».

Во время ее разъездов дети постоянно находились в Казачках под надежным присмотром тети, отлично поправились, окрепли, набрались сил. Приезжал туда и Геннадий Иванович, там он повидался и с Николаем, который провожал гостившую у него сестру. Между ними шел основательный и оживленный разговор на такую щекотливую тему, как необходимость женитьбы Николая, где в хозяйстве уж очень была нужна хозяйка. Обсуждался также и новый вопрос о том, что в Смоленске собираются устроить телеграф.

Перебравшись в Петербург, Невельские зажили своей обычной жизнью. Продолжая искать имение, Невельской окончательно остановился на нескольких деревушках в Городищенском уезде Пензенской губернии и теперь беспокоился за исход сделки. Зиновьевы порадовали известием о рождении сына (4 декабря), названного в честь деда — Василием. Вера сообщала, что Петр Васильевич, занимая, должность председателя государственных имуществ в Курске, был произведен в надворные советники. После долгого молчания он в середине марта ответил и рассказал о деревенских новостях. В письме к дяде Екатерина Ивановна 30 марта 1860 года подробно рассказала о главных зимних событиях в их семье и о планах на лето. Таким главным событием стала покупка имения в Пензенской области: сельца Крежим и деревни Александровки с 341 душами мужского пола, записанных на Екатерину Ивановну, и деревень Ивановки и Теплый Ключ с 279 душами мужского пола, записанных на Геннадия Ивановича. В Государственном архиве Пензенской области сохранилось дело об этом и просьба Невельских о

введении их во владение этими именьями, а также о внесении их в дворянскую родословную книгу в часть по Пензенской губернии ².

В этом письме Екатерина Ивановна высказала очень дельные хозяйственные мысли: «Не знаю, удачно ли мы приобрели эти именья, но во всяком случае совесть у нас спокойна, мы сделали это по убеждению составить верное обеспечение детям нашим, не увлекались нисколько ни красотами местности, ни удобствами помещения, ни даже близостью к центру или хорошему сообщению, надеясь на все это в будущем, ибо теперь положительно ничего подобного мы не находим сами; но что делать с небольшим капиталом, нельзя быть взыскательным: или покупать выгодно да некрасиво, или удобно — без выгод. Мы выбрали первое, надеясь устроить своими трудами поместье. Дети во всяком же случае выиграют много в будущем с устройством железной дороги в Саратов, с распространением заводов и фабрик, а покамест мы понемногу будем устраиваться и довольствоваться тем, что есть, проценты на капитал будут довольно значительные. Вот все, об чем мы хлопотали при покупке с надеждами на будущее» ³.

Уточняя летние планы, в письме от 11 мая 1860 года Екатерина Ивановна, как всегда, сообщила семейные новости, среди которых было известие о том, что Геннадий Иванович взамен имения Анненского за Волгой приобрел (вернее обменял) новое имение вблизи Кинешмы, находившееся в трех верстах от города. Поэтому они выезжают 13 мая, проведут недели две в Кинешме у Марии Ивановны Купряновой, где Невельского будут вводить в управление новым владением, а затем на пароходе поедут до Симбирска, верстах в ста шестидесяти от которого в Алатырском уезде находится имение Елховка, записанное на Екатерину Ивановну и ее сестру Веру Зиновьеву. Они намерены остановиться там месяца на три, поэтому заранее предписали управляющему привести в порядок флигель, приготовив его к жилью. Оттуда они намеревались перебраться в Крыжин, написав туда соответствующее послание.

В начале июля Невельские приехали в Крыжин. «Вот уж неделю, как мы поселились в новоустроенном для нас флигеле, — сообщала 15 июля в очередном письме дяде в Смоленскую губернию Екатерина Ивановна, — Весьма, конечно, незатейливо по удобности; не быв никогда резиденцией господскою, Крыжин, разумеется, представляет мало удобств для жизни, нет ни садов, ни скота, ни птицы, ни строений, кроме самых необходимых для хлеба, который здесь засеивается в огромных размерах; как нарочно, чтобы более прельстить нас своими полями, нынешний год они необыкновенно хороши. Рожь великолепная,

густая, высокая, земля никогда не удобряется у нас, а потому нам с мужем как-то дико смотреть на такой урожай; ни в Смоленской, ни в Костромской ничего подобного не видали. Все хлеба и травы вообще удачны этот год в наших краях».

Как видно из приведенной части письма, супруги не решили в то время, где лучше устраиваться на лето в будущем — здесь или в Кинешемском имении: «В Крыжине местность довольно скудная, а под Кинешмой изобилует прекрасными местами». Времени у Невельских было много, отпуск Геннадий Иванович оформил на целых три месяца, и будучи людьми общительными и гостеприимными, они скоро перезнакомились с жившими невдалеке помещиками. Только жаль, пишет Екатерина Ивановна, что «все большею частью богатые». И почти каждое письмо она заканчивала примерно так же, как и это, теплыми словами о своем муже: «Он работает неутомимо, также как и везде, и при всяком случае целый день в полях, сам размеривает всю землю, обходит всех крестьян, одним словом, везде и всегда тот же деятельный добросовестный труженик».

К тому времени, возвратившись в Петербург, Невельские временно жили на другой квартире, видимо потому, что своя нуждалась в капитальном ремонте. Этим, наверно, и объясняется тот факт, что Н. И. Ельчанинов, приезжавший на короткое время в Петербург, 28 ноября 1860 года сообщал своему дяде в Попово, что жить будет в квартире Невельских на Фурштатской улице в доме Горянских. Так или не так, но все время до конца их дней постоянным адресом Невельских была Сергиевская улица, дом № 46. Николай Ельчанинов приезжал для того, чтобы показаться врачам, которые определили у него солитер, но как потом выяснилось, на самом деле лечить-то его нужно было от другой болезни.

В зимние месяцы Невельской по-прежнему был занят делами Амурской компании, а также работой в Морском Ученом комитете. Он не только давал отзывы, рецензировал, но и сам публиковал в «Морском сборнике» свои заметки, рецензии, напечатал там и краткий отчет об Амурской экспедиции, ставший основой для его известной книги «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России». Невельской был хорошо знаком со многими общественными деятелями, учеными, моряками, с некоторыми из них он дружил. Он принимал активное участие в заседаниях и работе Императорского Русского Географического общества. О круге знакомых Геннадия Ивановича и его месте в среде ученых писал 15 марта 1861 года М. С. Корсакову Болеслав

Казимирович Кукель, тот, который был начальником штаба у Н. Н. Муравьева-Амурского: «Тут были все знаменитости политико-экономические — Вернадский, Гагемейстер и прочие, были здесь Литке, Невельской, Чихачев и пр., встретился я тут с Перовским, Радде и с другими».

В конце 1860 и в начале 1861 годов во всех слоях общества широко обсуждалась предстоявшая крестьянская реформа. Не осталось она без внимания и в семье Невельских. Геннадий Иванович относился к ней сдержанно, беспокоясь за вложенные сбережения, а Николай Иванович 17 декабря сообщил дяде Николаю Матвеевичу из Петербурга: «Говорят, что к 19 февраля объявят крестьянам гражданские права с теми же обязательствами работы, которые существовали до сих пор». Он жил в это время у Невельских, и как настоящий сельский помещик весьма интересовался предстоящим актом. 16 февраля 1861 года он писал дяде о том, что «приближается знаменитый, давно ожидаемый день 19 февраля». И тут же: «В Петербурге зима идет весело, танцуют много и мало беспокоятся о будущем». С наступлением весны он уехал из Петербурга, тепло попрощавшись с сестрой, которой пожелал рождения сына — Екатерина Ивановна все-таки еще раз решила испытать судьбу, а себе тезку-племянника. Никто и не гадал о том, что видятся они последний раз.

Реформа 1861 года повлияла на летний отдых семьи Невельских. Геннадий Иванович отправился «во все свои имена, для новых условий с крестьянами и распоряжений», а Екатерина Ивановна, к большому своему сожалению, должна была оставаться в Петербурге, а для детей снимать дачу. Она печалилась о муже: «Много хлопот, много трудов предстоит ему, и мне еще более жаль, что я ничем не могу быть ему полезна, даже присутствием своим для отдыха».

Перед отправлением на дачу к ним заехал Петр Васильевич Зиновьев. Он много выстрадал за прошедшую зиму, у него стали отниматься ноги. От него узнали о здоровье сестры Веры, по-прежнему проживавшей теперь уже с двумя детьми — Васей и Петей — в Курске. Сообщая эти новости дяде, Екатерина Ивановна отправила ему свою фотографию (не дошедшую до нашего времени), а также послала фотографию своих детей кузине Екатерине Николаевне Кусаковой и похвасталась, что родившийся у Саши сын — Коля Мазарович — растет миленьким и здоровым мальчиком.

Дача была снята в начале июня, а 9 числа Иван Семенович Мазарович писал Корсакову, что Геннадий Иванович уехал в Пензенскую губернию, а жена его с детьми поселилась с ними на даче в Колонии —

по дороге из Петергофа в Ораниенбаум, что место здесь прекрасное, «прогулок много совершенно деревенских, так что мы забываем, что Петербург в 27 верстах».

Екатерина Ивановна 14 июня в письме к дяде дополнила сведения Ивана Семеновича о даче, которая размещалась всего в пяти верстах от Петергофа. Она с сестрой часто навещала фонтаны и дворцы. «Даже дети мои в восторге, и Оля пресерьезно просила меня сделать подобные фонтаны у нас в деревне». Остальное время мы «никого не видим и живем с Мазаровичами совершенно семейною жизнью; мы наняли довольно большую дачу вместе и составляем одну семью». В этом письме она беспокоится о том, как справится со своими новыми обязанностями брат Николай, которого избрали мировым посредником, и от которого перестали приходиться письма — последнее было от 5 мая. Молчание окончилось тяжелейшим известием о том, что Николай скончался в имении соседки — в Бубново в самом конце июня 1861 года от язвы желудка. Напомню, что лечили его от солитера.

Но этим летом в семье Невельских произошло и радостное, давно ожидаемое событие: 14 сентября 1861 года родился сын, названный в память о брате Николаем. Теперь у сестер Саши и Кати было по мальчугану. Геннадий Иванович был безмерно счастлив: в сыне он видел продолжателя семейной традиции — будущего моряка. Но Екатерине Ивановне смерть брата, а затем рождение в муках сына достались нелегко. Она часто болела и в конце концов отважилась на заграничное лечение. Оправившись после родов, в октябре она уехала в Карлсбад — так назывался тогда известный курорт Карловы Вары — и пробыла там пять месяцев: «Я поехала совершенно больной; не могу сказать, чтоб поправились окончательно, но впрочем вообще здоровье мое несравненно лучше. Вынесла я довольно много приятных впечатлений из моих путешествий, но, несмотря на это, с радостью возвращаюсь назад. Как ни хорошо в людях, у себя — лучше». Это письмо Екатерина Ивановна направила дяде 23 марта 1862 года. Как всегда, она подробно информировала его о семейных делах: Мазаровичи на лето едут во Внуково, которое теперь переходило к старшей дочери; у Веры тяжело болел муж, и она сама с разбитым здоровьем вынуждена была выехать лечиться в Швейцарию и, вероятно, к лету возвратится домой; передавала поклонны тете Елизавете Матвеевне Дерюжинской, жившей со своими детьми в Казачках, и говорила, что будет писать ей отдельно.

Собственные дети занимали ее постоянно: «Я сейчас хлопочу, сколько умею, о воспитании старшей девочки — на днях двенадцать, уроки

становятся весьма серьезными; много надо средств, чтобы вести образование хорошо и полезно дома. Мы отказываем себе во всем, чтобы справиться с этим делом, и все-таки я полагаю осенью Ольге сделать экстерн в одном из лучших пансионатов». А на лето все собираются выехать в Костромскую губернию. О детях она могла писать много, как и о муже. В письме 27 апреля сообщала дяде, что Оля во всем делает большие успехи, а Маша по-русски читает плохо и только начинает читать по-французски: «Способности ее далеко не так блестящи, как Олины, и даже, как можно заметить, меньшей ее сестры Саши, которая решительно общая фаворитка и самая красивая из девочек; мальчуган мой, крошка Коля, — славный ребенок, спокойный и здоровенький, но слишком серьезный мальчик, должно быть, будет такой же философ, как папа».

7 мая Екатерина Ивановна с семьей, но без Геннадия Ивановича, которого задерживали дела, отправилась в Кинешму, сначала к сестре мужа, а затем в свое имение, которое почему-то называла Николаевским — уж не в память ли своего родного дальневосточного Николаевска они стали так называть свою деревеньку? Вскоре Екатерина Ивановна по телеграфу вызвала мужа, и тот немедленно приехал, провел с семьей месяц, а затем уехал в Пензенскую и Симбирскую губернии. «У нас маленький, но преудобный и прехорошенький домик, — хвасталась она дяде 20 июня 1862 года, — крошечный садик, три коровы, три лошади, четыре четверти посева, одним словом, миниатюрная ферма, обрабатываемая вольным трудом. Все, что нам недостает для хозяйства, мы покупаем в окрестных деревнях и в городе, который от нас в семи верстах. Жизнь наша очень уединенная, потому что людей мало, да мы их не ищем, семья своя так велика, что скучно не бывает одним; деревня летом так хороша, так приятна, что я решительно не променяю ее ни на какие заграницы, Петергофы и проч.»

К осени Невельские возвратились в Петербург, зима прошла в обычных заботах. Больше всего было хлопот с разорявшейся Амурской компанией; очень беспокоили всех польские события, начавшиеся в январе 1863 года. Ими поспешила воспользоваться Пруссия, что вызвало острую реакцию со стороны Франции, Великобритании и Австрии. Эти державы предприняли несколько политических демаршей, и в России понеслись слухи о войне. Те самые слухи, которые заставили Екатерину Ивановну 16 апреля 1863 года написать дяде такие слова: «Все вокруг становится грозно, и в частной, и в политической жизни, здесь только и говорят о войне, всюду как-то ожидают несчастий и горя; я отложила свою поездку за границу и еду в Костромскую губернию».

А тут новое несчастье обрушилось на семью Ельчаниновых: скоропостижно скончалась кузина Екатерина Николаевна Кусакова, дочь Николая Матвеевича. Она оставила отцу и мужу малых сирот. Екатерина Ивановна и Геннадий Иванович вместе с ними пережили и это горе, эту особенно тяжелую для Екатерины Ивановны потерю сразу же после кончины единственного родного брата — ведь она с детских лет была дружна со своей тезкой-кузиной. Очень волновало их то, каким образом дядюшка и Иван Петрович Кусаков будут управляться со всеми малолетними Кусаковыми.

Как писала Екатерина Ивановна в очередном письме дяде, лето семья провела в своем имении в Костромской губернии вблизи Кинешмы, в своем собственном Николаевском, порассуждала еще раз о безвременной смерти его дочери, сообщила, что Мазаровичи проводят лето в Царском Селе, что Зиновьевы все еще за границей и думают вернуться лишь осенью, а сама она возвратится в Петербург в середине сентября. Объехав вместе с ней имения, Геннадий Иванович провел с семьей неделю и уехал в Петербург. В этом же письме она сообщает о перемене адреса — и снова вместе с Мазаровичами. Это еще раз подтверждает мысль о том, что выезжали Невельские лишь в случаях ремонта здания на Сергеевской, где они жили постоянно. В это время их новым адресом был дом Брука, угол Знаменской и Второго Спасского переулка.

Начало 1864 года ознаменовалось производством Г. И. Невельского в вице-адмиралы. Радовались все близкие и друзья, сослуживцы, приходили поздравления от сподвижников по Амурской экспедиции, дорогих Геннадию Ивановичу людей, — все радовались заслуженному событию в жизни этого замечательного человека. А когда родные и близкие собрались у него на квартире чтобы должным образом отметить это событие, то нашлось много, добрых, проникновенных слов и о Екатерине Ивановне, которая с полным правом разделяла радость мужа.

В это время в переписке Екатерины Ивановны с дядей по не выясненной мной причине наступил перерыв. Можно думать, что наша героиня была нездорова. Видимо лето, проведенное в Костромской губернии, а намек на то, что именно там она собиралась провести его, имеется в одном из писем, — не принесло ее здоровью улучшения. Во всяком случае, в письме от 24 апреля она сообщала, что прохворала всю зиму с 1864 на 1865 год, хотя по-прежнему энергично занималась воспитанием детей.

Гувернантки уже не удовлетворяли Екатерину Ивановну, так как они попросту не могли дать детям многого, поэтому приходилось

искать хороших учителей по всем предметам. Так, для обучения дочерей музыке она приглашала известного впоследствии композитора Милия Алексеевича Балакирева. Лишь маленький Коля пока мог пользоваться услугами гувернантки. А это, писала она дяде, «стоит мне очень дорого и дает мне бездну хлопот, так что здоровье мое даже не выдержало, я была очень серьезно больна и вообще всю зиму хворала. Теперь опять-таки совершенно нездорова, и доктора находят во мне какую-то болезнь, посылают меня за границу лечиться; не решаясь оставить семейство без себя, я решаюсь ехать со всею детворою, но уже на целый год, а не на короткий срок, ибо иначе финансы наши не выдержат».

Планы эти были согласованны с сестрой Сашей, которая также собиралась ехать со своим мальчуганом. Геннадий Иванович сопровождать их не мог по двум причинам: летом, во время отпуска, он должен был объехать имения, да и «служба не позволяет, да и средства уменьшаются, а теперь только и можно рассчитывать на казенное содержание, с деревней почти ничего не получается». Он обещал приехать к семье в Швейцарию зимой, и то на короткий срок. Вера Зиновьева не могла составить своим сестрам компанию, так как ее муж Петр Васильевич тяжело болел, с трудом ходил на костылях, и врачи не давали ему никаких надежд на окончательное выздоровление.

О том, что все так и произошло, как было запланировано, мы узнаем из письма Екатерины Ивановны от 9 июня 1866 года, отправленном из Рогозинихи. В нем она в частности сообщала, что «здоровье мое хотя частью и поправилось после моей поездки за границу, однако же все была довольно в плохом состоянии во все время, пока продолжалась зима, это вынудило выехать в деревню ранее, чтобы иметь более времени поправиться и укрепить также детей». Врачи рекомендовали Екатерине Ивановне пройти второй курс лечения в Карловых Варах, но она не решилась снова ехать туда. «Слишком много издержек по теперешнему курсу, а потому я привезла воды с собой в Петербург и пью ее дома, делая также и щелочные ванны по совету доктора; может быть, Бог поможет мне вылечиться окончательно, жизнь моя покамест необходима — детей много... Теперь живу около Кинешмы вот уже месяц, поджидаю на этих днях мужа, который берет отпуск месяца на два». Сообщает она также и том, что Мазаровичи находятся во Внуково, а Вера возвратилась из-за границы, куда все-таки выезжала, и, кажется, поправилась, что жизнь их в Петербурге идет размеренно и уединенно, они никуда не выезжают и гостей не принимают, но скучать им не приходится.

Последнее письмо племянницы к дяде, сохранившееся в большом кожаном переплетенном томе Николая Матвеевича Ельчанинова, датировано 12 января 1867 года и отправлено из Петербурга. В нем содержатся обычные новости, есть упоминание о том, что на несколько дней она заезжала в Москву, где убедилась в том, что П. В. Зиновьев по-прежнему тяжело болен, сын его Вася — хороший, здоров, а Вера снова уехала за границу. В письме нет никакого упоминания о сыне Пете. Екатерина Ивановна напоминает дяде, что дети ее уже подросли, что Оле уже скоро тринадцать лет, а Коле — пять. «Жизнь наша течет очень скромно, тихо... я никуда не выезжаю, кладем все, что имеем, на воспитание детей, которое стоит страшно дорого. Но что делать, образование есть лучший капитал, который мы оставим своим детям, все остальное дело наживное».

Несмотря на то что с этого года мы уже не имеем такого точного источника, как письма Екатерины Ивановны, из других архивных материалов можно составить представление о последних годах Невельских: зимой служба и обучение детей, летом — выезд в свое имение в Костромскую губернию, откуда Невельской иногда один, а иногда с Екатериной Ивановной отправлялся в Симбирское и Пензенское имения. Так, в июле и августе 1867 года они были в Рогозинихе, откуда Невельской ездил в Крыжин. То же повторилось и в 1868 году, когда семья все лето провела в костромском имении близ Кинешмы, а Невельской приезжал к ним только на четыре недели. В 1869 году Екатерина Ивановна с детьми все лето провела в Смоленской губернии, побывала во Внуково, где постоянно отдыхали Мазаровичи, постояла на могиле брата и отца, а Геннадий Иванович опять-таки навестил Пензенское имение. В 1870—1872 годах семья вновь проводила летние месяцы в Костромской губернии, а Геннадий Иванович ездил в свои пензенские имения.

Зимними месяцами воспитывали детей. Если девочки получали домашнее образование и сдавали экстерном экзамены за курс пансионата, то сын Николай готовился к поступлению в Морской корпус и, к неопишуемому восторгу Геннадия Ивановича, был принят в него. Здоровье же самого Невельского ухудшилось, он часто болел, все реже появлялся в Морском Ученом комитете, а в 1872 году по настоянию врачей был вынужден на зиму уехать в Италию, где и пробыл до марта 1873 года. Сохранилось письмо из Флоренции от 29 октября 1872 года, в котором он извещает Морской комитет, что там он намерен пробыть всю зиму и доверит получать пенсион только что произведенному в генерал-майоры Ивану Семеновичу Мазаровичу. Можно предполо-

жить, что он навестил и своего сослуживца по Амурской экспедиции Николая Константиновича Бошняка, находившегося на излечении в Северной Италии. Судя по фирменному знаку фотографии, сделанной в Венеции в 1872 году, на которой изображены Геннадий Иванович с сыном Николаем, можно сделать вывод, что Невельской был в Италии с семьей. Этому факту я нашел подтверждение в письме Е. Королько Николаю Матвеевичу от 20 ноября 1872 года: «Невельские были с детьми в сентябре у брата в Казачках проездом в Италию; муж мой ездил также туда для свидания с ними, познакомился с Геннадием Ивановичем, и он пришелся очень ему по душе».

Лето после возвращения из Италии, то есть лето 1873 года, Невельские провели в своей Рогозинихе под Кинешмой, в Заволжье. В это время у Геннадия Ивановича возник конфликт с местным исправником, на которого он впоследствии жаловался губернскому начальству. А весной 1874 года шайка из пяти человек дважды (в ночь с 1 на 2 и с 17 на 18 марта) грабила Рогозиниху. Невельской вел обширную переписку с костромскими и кинешемскими властями, в которой затрагивались вопросы управления имением, выражались собственные взгляды на крестьянский вопрос, в частности, на отмену крепостного права. Есть документы, в которых рассматриваются вопросы происхождения Невельских. В 1867 году возникла и долго продолжалась переписка по поводу того, что сведения о рождении Г. И. Невельского в 1813 году в Дракино по оплошности священнослужителей своевременно не были вписаны в метрическую книгу.

Все эти годы Геннадий Иванович и Екатерина Ивановна работали над книгой. Сначала исподволь, потихоньку собирая материалы и обдумывая каждый ее раздел, а затем, когда они почувствовали приближение старости, когда их стали одолевать болезни, оба стали отдавать этой работе все силы. Иногда Геннадий Иванович обращался к своим бывшим сподвижникам, часто встречался с Чихачевым, сделавшим блестящую карьеру, с Петровым, сохранившим много материалов по истории Амурской экспедиции, с Рудановским, помогавшим своему начальнику документами о путешествиях по Сахалину. Невельской принимал самое близкое участие в судьбе тяжело больного Бошняка, встречался с аккуратным исполнителем Ворониным...

Последние годы жизни Геннадия Ивановича и Екатерины Ивановны можно без преувеличения назвать годами подвига обоих: они упорно трудились над книгой. Екатерина Ивановна не только создавала условия для спокойной работы мужа, но и сама всемерно помогала ему, хотя

уж никак не могла похвастаться здоровьем. Она воспоминала различные события, переписывала рукописи Геннадия Ивановича, не отличавшегося разборчивым почерком. А Невельской провел 1874 год весьма активно, несмотря на то что часто болел. Радостным событием для семьи стало присвоение 1 января 1874 года Невельскому чина адмирала, или как принято было говорить, полного адмирала, — высшего в то время звания в военно-морском флоте. В таком качестве он с 7 мая по 21 сентября председательствовал в Морском Ученом комитете вместо ушедшего в отпуск адмирала С. И. Зеленого. Он посещал заседания Императорского Русского Географического общества, находил силы председательствовать в Обществе содействия русскому торговому пароходству. Но, несомненно, главным его занятием в 1874—1875 годах была работа над рукописью будущей книги.

Если Геннадий Иванович трудился над рукописью, то готовила ее к изданию Екатерина Ивановна. Она дважды сдавала ее переписчику для снятия двух копий, она сама вычитывала текст, нашла редактора и вела с ним все переговоры по изданию. Рукопись вышла вначале под названием «Действия наших морских офицеров в 1849 по исход 1855 года на отдаленном Востоке нашего Отечества и их последствия». 5 декабря 1875 года эта работа вместе с письмом мужа была передана ею в Морской Ученый комитет уже с резолюцией великого князя Константина: «Печатать 800 экземпляров на счет казны». Но труднее всего ей пришлось зимой 1875—1876 годов, когда к заботам об издании рукописи прибавились постоянные хлопоты о муже, который долго болел.

Видимо и сам он, не рассчитывая на собственные силы, 29 апреля 1874 года явился к петербургскому нотариусу в сопровождении понятых и завещал лично ему принадлежавшие усадьбу Рогозиниха с деревнями Мякотихой, Морозовой, Безводной, Губачевой, Исаевой и Булавиной в Кинешемском уезде Костромской губернии; деревни Ивановку и Теплый Ключ в Городищенском уезде Пензенской губернии и, наконец, свое родовое имение Дракино с деревнями Запольской, Вяхоревой и Евковой.

Много хлопот в последние годы жизни Невельских доставляли им дочери, старшая из которых — Ольга — собралась замуж за морского офицера Леонида Владимировича Сорохтина. Подумывали о замужестве и младшие дочери. Последним известным нам документом, подписанным самим Г. И. Невельским, стало его заявление в Морское училище о приеме сына Николая в младший приготовительный класс. «Если он, — говорилось в этом прошении, — по медицинском освидетель-

ствовании не окажется способным к морской службе или не удовлетворит условиям приема, а также, если в последующее время начальство училища признает нужным, вследствие дурного его учения или поведения исключить его из числа воспитанников, то я обязываюсь, по первому требованию училища без замедления взять его обратно на свое попечение». Заявление написано Екатериной Ивановной 1 апреля 1876 года и подписано рукой Геннадия Ивановича: «Адмирал Невельской». И снова указан адрес: «Жительство имею по Сергиевской улице, в доме № 46».

Это было за две недели до смерти Г. И. Невельского. Болезнь взяла верх, и 17 апреля в 10 часов вечера его не стало. Как значится в метрической книге Сергиевского собора об умерших за 1876 год, «Адмирал Геннадий Иванович Невельской семнадцатого апреля тысяча восемьсот семьдесят шестого года умер от органического порока сердца 63-х лет от рождения, а двадцать первого того же апреля погребен на кладбище Воскресенского женского монастыря». Ныне оно известно под названием Новодевичьего.

Осиротела квартира Невельских. Отдать последний долг знаменитому мореплавателю и исследователю пришли все любившие, знавшие и уважавшие его. Кончину Невельского почтили на Дальнем Востоке, на его родине — в Костромской губернии, в Географическом обществе и в Морском министерстве. Газеты Петербурга, Москвы и Костромы, а позднее — Дальнего Востока поместили о нем некрологи. Первыми откликнулись газеты «Голос», «Кронштадтский вестник», «Всемирная иллюстрация», «Иллюстрированный вестник», а затем и другие. Повсюду отмечалось, что «Невельской был одним из главных деятелей по присоединению Амура к России», а Петербургское Общество для содействия русскому торговому пароходству, заслушав страстную и проникновенную речь выдающегося деятеля Севера М. К. Сидорова, постановило «украсить его (отделение общества. — А. А.) портретом друга мореходства». Это портрет Геннадия Ивановича Невельского был широко известен по многим публикациям, выходящим до 1950-х годов, пока мною не были найдены и введены в научный оборот четыре ранее неизвестных фотографии адмирала.

Со смертью Геннадия Ивановича все заботы Екатерины Ивановны сосредоточились на детях и на издании рукописи мужа. Неоценимую услугу ей в это время оказали Мазаровичи. Иван Семенович постарался, чтобы в ближайшее же время семью Невельских обеспечили пенсией: Екатерине Ивановне были положены 640 рублей 42 копейки,

каждому из детей — по 160 рублей 10 копеек в год. Пенсия в 2 000 рублей, полученный Невельским за Амурскую экспедицию, распространялся и на семью. Были, разумеется, еще и доходы от имений, сохранялись и кое-какие сбережения.

К сожалению, нам плохо известны подробности жизни Екатерины Ивановны в недолгие годы ее вдовства. Все было отдано детям, их воспитанию, устройству их жизни. Сохранились несколько записок к петербургским знакомым, в которых она извещала о готовности видеть их у себя в назначенное время. В числе этих записок есть адресованная композитору М. А. Балакиреву, послания некоторым костромским помещикам, жившим в Петербурге. Подписи Е. И. Невельской имеются на двух документах. Оба они связаны с изданием книги. Первый датирован 19 апреля 1877 года. Это — расписка о получении из Морского Комитета оригинала рукописи: «Подлинную рукопись покойного адмирала Г. И. Невельского с картами на 4-х листах и засвидетельствованную копию с этой рукописи вдова адмирала Екатерина Ивановна Невельская получила 19 апреля 1877 года». А еще через год, в 1878 году, она получила оговоренные Геннадием Ивановичем 800 экземпляров книги своего незабвенного мужа, с полным правом носившей такое название: «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России в 1849—1855 гг. При-Амурский и При-Уссурийский край. Посмертные записки Адмирала Невельского. Изданы супругою покойного Екатериною Ивановною Невельскою». На одном из экземпляров есть дарственная надпись Екатерины Ивановны: «А. П. Петрову в память мужа моего. Е. Невельская». Эта книга была подарена общественному деятелю Костромской губернии, ныне она хранится в Научной библиотеке города Костромы. С мужем Екатерина Ивановна находилась до конца, а когда его не стало, то жила его делами, его памятью, его детьми.

Мы точно не знаем, когда ее дочери вышли замуж. Можно предположить, что первой еще при жизни матери вышла замуж самая младшая — Александра — за помещика Платона Михайловича Охотникова, в те годы офицера. Предположение это основывается на дате рождения их первого ребенка — 1880 год. Ольга Геннадьевна вышла замуж за упоминавшегося офицера Л. В. Сорохтина, а Мария Геннадьевна — за сына Болеслава Казимировича Кукеля — Андрея Болеславовича, скорее всего сразу после смерти матери, в 1880—1881 годах.

Екатерина Ивановна в зиму 1878—1879 года тяжело болела. Она скончалась 8 марта 1879 года, совсем ненадолго пережив своего мужа,

хотя и была моложе его — ей шел только сорок седьмой год. Через полтора года сын Невельских Николай, как написано в документах, был «уволен из училища 31 августа 1881 года на попечение сестры». Эти бумаги содержат подпись Ольги Геннадьевны Невельской (но не Сорохтиной) о получении копии метрического свидетельства брата и других документов. Женат Николай не был. Он умер, предположительно, в 1919 году. Ольга Геннадьевна детей не имела, с мужем разошлась, жила и скончалась во Франции, в Ницце 13 октября 1933 года. Она написала и издала во Франции в 1894 году книгу о своем отце — первую биографию Г. И. Невельского. Мария Геннадьевна имела двоих сыновей — Сергея и Владимира Андреевичей Кукелей-Краевских. Оба стали моряками. Владимир командовал эскадренным миноносцем «Керчь», потопившим в июне 1918 года в Новороссийске Черноморский флот. Умерла Мария Геннадьевна также предположительно в 1919—1920 годах. Что же касается потомков Марии Геннадьевны Кукель, то все они проживали в СССР — в Омске, Ленинграде, Москве.

Больше всех детей имела Александра Геннадьевна Охотникова — трех дочерей и двух сыновей. Она оказалась за границей. Потомки Невельских по этой линии и ныне проживают во Франции, Бразилии и США. Александра Геннадьевна скончалась в Париже в 1929 году и похоронена на старом русском кладбище недалеко от Парижа, возле Старческого Дома.

Вот и завершается наш рассказ о Невельских, которые прожили вместе трудную, но счастливую четверть века. Вместе они покоятся и на кладбище. Их могилы охраняются государством в лице Военно-Морского флота. Они всегда убраны, там всегда есть цветы. Память Невельских священна, особенно на Дальнем Востоке, где почти в каждом городе их именами что-нибудь да названо. Кроме памятников во Владивостоке, Хабаровске, Николаевске-на-Амуре существует город Невельск на Сахалине, пролив Невельского, им открытый и исследованный, фарватер Невельского, другие географические объекты. А в проливе Невельского есть мыс Екатерины, — так увековечил имя своей возлюбленной суровый капитан. Нет ни одной книги по истории Дальнего Востока, в которой не упоминалось бы имя Г. И. Невельского, редко какая работа обходится и без упоминания его супруги. Их помнят и чтят на Дальнем Востоке. И будут это делать всегда.

Москва, 31 июля 1988 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1. С Амуром в сердце

¹ Алексеев А. И. Геннадий Иванович Невельской. — М.: Наука, 1984. — С. 25—26.

² «Советская военная энциклопедия», т. 5, с. 562, называет датой рождения Г. И. Невельского 23 ноября 1813 г. В статье сделана ссылка на книги А. И. Алексеева «Дело всей жизни» и «Сподвижники Г. И. Невельского».

³ Алексеев А. И. Геннадий Иванович Невельской... — С. 26.

⁴ Кондуит — журнал для записи провинившихся.

⁵ Н. К. Краббе с 1860 по 1876 гг. являлся управляющим Морским министерством. Главой флота был генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, брат императора Александра II. По «Положению» от 27 января 1860 г. во главе флота и Морского министерства стоял генерал-адмирал, наделенный правами министра. Хозяйственной частью министерства заведовал на правах товарища (заместителя) министра управляющий министерством. При отсутствии генерал-адмирала управляющий Морским министерством выполнял его функции, пользуясь соответствующими правами. В 1867 г. управляющему Морским министерством были предоставлены права министра, генерал-адмирал руководил ведомством лишь номинально. Должность морского министра была введена лишь в 1905 г. вместо упраздненных должностей генерал-адмирала и управляющего Морским ведомством.

⁶ А. И. Алексеев. Геннадий Иванович Невельской... — С. 29.

⁷ Фут равен 0,305 м.

Глава 2. Открытия подтвердили забытое

¹ В состав Первой Тихоокеанской эскадры в период русско-японской войны 1904—1905 гг. входила канонерская лодка «Гиляк», погибшая в Порт-Артуре.

² В конце 1920— начале 1930-х гг. в составе флота Акционерного Камчатского общества находился пароход под названием «Тунгус».

³ Архив внешней политики России, фонд Главный архив 1—9, д. 9, л. 5—5 об.

⁴ Так обращались к светлейшему князю. Этот титул Александр Сергеевич Меншиков носил по наследству.

⁵ И в значительно более поздние времена — в начале XX века, в период железного парового судоходства, — заход транспортов в Петропавловск обычно приурочивался к началу мая.

⁶ Невельской Г. И. Подвиги... — СПб., 1878. — С. 76—77.

⁷ Центральный государственный архив военно-морского флота (ЦГА ВМФ), ф. 410, оп. 2, д. 276, л. 26—30 об.

⁸ Шканцы — часть верхней палубы от грот-мачты до бизань-мачты (то есть от второй от носа до третьей мачты трехмачтового корабля), главное почетное место на корабле. На двухмачтовом корабле район шканцев назначался приказом по Морскому ведомству.

Глава 3. С любимым — рай на Амуре

¹ Это здание оказалось связано с драматическими событиями в истории нашей родины, получившими название «Великой Октябрьской социалистической революции». Один из внуков Екатерины Ивановны, будучи командиром эскадренного миноносца «Керчь», выполняя распоряжение советского правительства, 18 июня 1918 г. торпедами потопил корабли Черноморского флота, предотвратив тем самым их захват германскими войсками в порту Новороссийска. Командовал «Керчью» В. А. Кукель (Кукель-Краевский).

² Алексеев А. И. Дело всей жизни. — Хабаровск, 1972. — С. 132—133.

³ Алексеев А. И. Хозяйка залива Счастья. — Хабаровск, 1981. — С. 73—74.

⁴ Материалы Государственного архива Смоленской области (ГАСО).

Глава 4. Любовь и счастье, беды и несчастья

¹ АНТ — самолет конструкции Андрея Николаевича Туполева АНТ-25, совершивший в июне 1936 г. беспосадочный перелет из Москвы через Северный Ледовитый океан, Петропавловск-Камчатский на о. Удд (ныне о. Чкалова).

² Сажень равна 2,13 метра.

³ Невельской Г. И. Указ. соч., с. 121—122.

⁴ ЦГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 415, л. 145 об.

⁵ Алексеев А. И. Дело всей жизни. — Хабаровск, 1972. — С. 145.

⁶ Угличанинова М. С. Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря сороковых годов. — М., 1901. — С. 46—47.

⁷ Алексеев А. И. Дело всей жизни... — С. 14.

⁸ В. А. Римский-Корсаков — старший брат композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова.

⁹ ГАСО, ф. 112, д. 5, л. 119—121 об.

¹⁰ Невельской Г. И. Указ. соч., с. 359—360.

¹¹ ГАСО, ф. 112, д. 14, л. 5 об.—6 об.

¹² Римский-Корсаков В. А. Балтика — Амур / Сост. Б. П. Полевой. — Хабаровск, 1980. — С. 222—223.

¹³ Государственный исторический архив Московской области (ГИАМО), ф. 864, оп. 1, д. 2, л. 865 об.

¹⁴ ГАСО, ф. 112, д. 5, л. 49—50.

Глава 5. Навски вместе

¹ Это учебное заведение после закрытия Охотского порта в 1850 г. было перенесено в Петропавловский порт. Его воспитанники проходили морскую выучку на кораблях Камчатской флотилии, в 1854 г. они принимали участие в отражении нападения англо-французского десанта на Петропавловск. В начале 1855 г. численность учившихся составляла всего 19 человек. В марте 1855 г. при эвакуации порта в Николаевск-на-Амуре училище было перенесено туда же и получило наименование Николаевского.

² Государственный архив Пензенской области (ГАПО), ф. 196, оп. 2, д. 2082.

³ Из материалов ГАСО.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
А. И. Алексеев	5
От автора	12
И еще: предуведомление	13
Глава 1. С Амуром в сердце	15
Глава 2. Открытия подтвердили забытое	51
Глава 3. С любимым — рай на Амуре	92
Глава 4. Любовь и счастье, беды и несчастья	124
Глава 5. Навеки вместе	174
Примечания	194

Александр Иванович Алексеев

ЛЮБОВЬ, АМУР, СЧАСТЬЕ Историко-художественная повесть

Редактор С. В. Гаврилов
Набор текста Т. А. Шубиной
Верстка и макет С. В. Гаврилова

Лицензия ИД № 02187 от 30.06.2000 г. Подписано в печать 25.06.2003 г.
Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Авт. л. 10,82. Уч.-изд. л. 11,01. Усл. печ. л. 12,11.
Тираж 150 экз. Заказ 325.

Издательство Камчатского государственного технического университета.
683003, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Ключевская, 35.
Отпечатано ЧП «Оперативная полиграфия».
683000, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Ленинская, 46.